

Чжуан Лин пролежал пластом добрых полмесяца. Всё это время Хань Хэн неотлучно крутился вокруг него, ухаживая с поистине жертвенной заботой — ни в этой жизни, ни в прошлой ему ещё не доводилось так самоотверженно нянчить другого человека.

Причина была проста: вечная нехватка времени и вечная бедность. Одно неизбежно цеплялось за другое: чем ты беднее, тем больше приходится вертеться. Замкнутый круг суеты и безденежья.

Выдающимся образованием не отличался, зато в совершенстве овладел искусством вешать лапшу на уши и ладить с кем угодно. С годами, проварившись в котле шоу-бизнеса, завоевал определённый вес — зелёные новички заискивающе величали его «братцем Пэй». Накануне гибели выглядел успешным и лощёным, но кем был в действительности на фоне настоящих воротил и звёзд первой величины? Так, мелкой сошкой. И всё же, будучи единственным сыном, — пусть родители никогда особо не баловали его заботой, — лез из кожи вон, стараясь обеспечить им достойную старость. Пэй Цзя просто хотел, чтобы его близкие жили в достатке, а отец с матерью могли с гордостью, без стыда и робости, назвать его своим сыном.

Вытряхивая из котелка вонючие остатки лекарственных трав, Хань Хэн на миг замер. Взгляд его затуманился. Он поднял глаза к небу — бездонному, пронзительно-синему, без единого облачка. Прошлая жизнь, в которой он был Пэй Цзя, казалась теперь сном о каком-то совершенно ином, нереальном мире.

Из комнаты донёсся голос Чжуан Линя. Хань Хэн встрепенулся и торопливо шагнул за порог.

— Что стряслось? Где болит?

— Да ничего не болит, — Чжуан Лин приподнял одеяло и с мягкой, тёплой улыбкой посмотрел на вошедшего. — Иди сюда, присядь рядом.

Чжуан Лин был из тех безупречно красивых мужчин, чья мимолётная ласка заставляла забыть обо всём. Стоило ему смягчить суровое выражение лица, как в груди просыпалось глупое, но непреодолимое желание бросить к его ногам все сокровища мира — лишь бы увидеть его беззаботную улыбку.

Вот только улыбался юный принц, увы, крайне редко.

— Точно ничего не болит? — Хань Хэн всё ещё сомневался.

Но стоило ему присесть на край ложа, как сильные руки Чжуан Линя обхватили его за талию и бесцеремонно увлекли за собой. Он, дурачась, навалился на него сверху, а сам принялся нежно ощупывать его бока под одеждой.

— Перестань, — вяло попытался отбиться Хань Хэн. — Не зли меня. Я и так еле на ногах

держусь.

В первые дни после того, как принц пришёл в себя, его нельзя было оставить ни на минуту — жар то спадал, то возвращался с новой силой. Теперь-то Чжуан Лин уверенно шёл на поправку, щёки его заметно порозовели, а вот Хань Хэн измотался в край. Он выглядел утомлённым, а под глазами залегли глубокие тёмные тени.

— Что у тебя не так? — тихо спросил Чжуан Лин, заглядывая ему в лицо. — Лекарство вовремя выпил?

Хань Хэн просто закрыл глаза, утомлённо выдохнув:

— Да ну его... Снадобья лекаря Лана — редкостная пакость, меня от одного запаха наизнанку выворачивает. Но я честно выхлебал всё до капли. Надо же хоть каплю достоинства сохранить.

— Верно, хорошее лекарство всегда горькое на вкус, — вкрадчиво отозвался Чжуан Лин.

В его голосе прозвучало непривычное, почти детское беспокойство. У Хань Хэна потеплело на душе. Приоткрыв один глаз, он лениво взглянул на принца, а затем запустил руку в его шелковистые волосы, мягко массируя кожу головы.

Чжуан Лин мгновенно изменился в лице, и в его глазах вспыхнул голодный блеск. Прильнув к лицу Хань Хэна, он коротко поцеловал его в переносицу, а затем с какой-то яростной жадностью принялся целовать его шею, оставляя влажные следы.

Задыхаясь от этого натиска, Хань Хэн всё же сумел высвободиться и решительно поднялся с постели.

— Ты чего? — недовольно протянул Чжуан Лин, не сводя с него обиженного взгляда.

Хань Хэн лишь фыркнул, оправляя сбившийся ворот халата:

— А того. Лекарь Лан ясно сказал: никакого блуда до полного выздоровления. У тебя что, мозги напрочь отшибло? Мне теперь каждый раз тебе об этом напоминать? — кончики его ушей заалели, а губы упрямо сжались.

— Положили перед носом сочный кусок мяса, а съесть не дают. Где справедливость?

— Это я-то «кусок мяса»? — Хань Хэн от возмущения едва не задохнулся. — Да если ты, зараза такая, побыстрее на ноги не встанешь, я сам скоро в сухую воблу превращусь!

Чжуан Лин притих. Дождавшись, пока Хань Хэн полностью застегнёт и расправит полы халата, он негромко произнёс:

— Завтра возвращаемся в столицу.

— А сдюжишь? — Хань Хэн с сомнением окинул его взглядом.

— Придётся. Император прознал, что меня нет в городе, и уже выслал ищеек.

С этими словами Чжуан Лин резко потянул Хань Хэна за руку, заставив опуститься обратно на край постели. Он крепко обхватил его со спины, уткнулся лицом в лопатки и глубоко, шумно вдохнул родной запах.

— Вернёмся — пусть лекарь Лан тебя хорошенько осмотрит, — глухо пробормотал Чжуан Лин, легонько коснувшись пальцами его щеки. — Надо убрать эти тени под глазами до того, как войско снимется с места.

Хань Хэн картинно насупился:

— Что, неужто лицом не вышел? Испугать боишься?

— Ах ты, неблагодарная душа. Кто бы говорил о брезгливости! Забыл, как сам гнал меня прочь под предлогом моей сломанной ноги?

У Хань Хэна от такой наглости перехватило дыхание.

— Да будь ты в силах хоть пальцем шевельнуть, я бы посмотрел, как ты заговоришь! — он заносчиво вскинул подбородок, всем видом выражая вызов.

Чжуан Лин лишь досадливо поморщился и промолчал.

Шутки шутками, но на душе у Хань Хэна вновь заскребли кошки.

— Если серьёзно... как твои раны? Сможешь ли ты вообще выдержать этот поход?

— В столице меня первым же делом примет Его Величество. Наверняка пришлёт придворных лекарей для осмотра. Так что решать не мне, а им. Давай не будем о тоскливом, толку-то сейчас воздух сотрясать.

Хань Хэн лишь сильнее нахмурился.

Чжуан Лин попытался разгладить упрямую складку у него на переносице, но морщинка так и не поддалась.

— И без того краше в гроб кладут, а теперь совсем смотреть тошно.

— Да ты же только что божишься, что тебе всё равно! — вспыхнул Хань Хэн.

— Да пусть ты хоть чудищем болотным станешь, всё равно останешься моим самым дорогим сокровищем.

Хань Хэн мысленно выругался.

«Точно надо попросить лекаря Лана подсыпать тебе полыни. Совсем язык от мёда слипся».

— А мне сладости без надобности. Твоих губ вполне хватит, — Чжуан Лин многозначительно скользнул взглядом по его губам.

Хань Хэн в ответ беззлобно шлёпнул его пониже спины. С тех пор как этот негодник угодил в передрагу, он становился всё привязчивее и капризнее с каждым днём. Стоило ему отлучиться на минуту, как тот принимался звать его, точно соскучившийся по матери младенец.

А ведь стоит войску выступить, и они не увидятся долгие месяцы.

Хань Хэну вдруг стало не по себе. Ему ещё никогда в жизни не доводилось испытывать муки разлуки и тоски по кому бы то ни было. Человек ещё никуда не уехал, а в груди уже заныло от глупого беспокойства. Он злился на себя за эту мягкотелость, но поделать ничего не мог.

Правы люди: любовь начисто лишает рассудка.

Он в очередной раз уяснил горькую истину: на сей раз он влип по самые уши. Безвозвратно и окончательно.

На следующий день они тронулись в путь. Дорога до столицы Бэйшо заняла долгие четыре дня.

Хань Хэна забавляло их нынешнее положение: теперь они оба превратились в ходячие аптеки. Стоило подойти времени приёма лекарств, как они с кислыми минами уставлялись друг на друга, безмолвно призывая проявить мужество, и послушно осушали свои чаши.

Впрочем, травиться этой дрянью вдвоём было куда веселее, чем в одиночку. Всегда можно было разделить на двоих одну засахаренную сливу, а заодно, пользуясь случаем, украсть упрямый поцелуй.

Хань Хэн ловил себя на том, что эти маленькие нежности затягивают его всё сильнее. Стоило Чжуан Линю оказаться поблизости, как от него начинало исходить мощнейшее, почти осязаемое притяжение. Он никогда не притворялся святошей и, разобравшись в собственных чувствах, окончательно признал: этот парень чертовски ему дорог. И дело было не только во взаимном влечении. Чжуан Лин раз за разом спасал его от верной гибели, оберегал его доброе имя перед чужаками, а уж в постели творил такое, что дух захватывало. Шутка ли: избалованный наследник княжеского рода, золотая молодёжь древнего разлива, а готов был на любые глупости и капризы, лишь бы выторговать у своего строптивого возлюбленного согласие выпить лекарство.

Особенно после того, как они чудом вырвались из когтей смерти. Никогда прежде Хань Хэн не оказывался так близко к вечному покою. В те бесконечные, полные удушливого ужаса часы под завалами отчаяние едва не сожрало его с потрохами. Не будь рядом Чжуан Линя, он бы точно сломался.

Гнетущая тьма, могильный запах сырой земли, внезапные толчки оседающей породы... Они чувствовали себя муравьями, которым накинули на шею шёлковую удавку: одно неловкое движение стихии — и жизнь оборвётся в долю секунды.

Поступок Чжуан Линя перевернул все представления Хань Хэна о жизни. Он и раньше знал, что дорог принцу: тот и подарками его осыпал, и в постель укладывал регулярно — глупо было бы притворяться невинной девицей и делать вид, будто не понимаешь, к чему всё клонится. Но он и представить не мог, что за такой короткий срок чувства этого гордеца окрепнут настолько, что он без раздумий подставит собственную спину под рушащиеся своды земли.

Сам Хань Хэн, положив руку на сердце, вряд ли сумел бы совершить такой безумный подвиг. Но бледное, безжизненное лицо Чжуан Линя, когда его уносили спасатели, и его превращённая в кровавое месиво спина навеки отпечатались в его сознании раскалённым клеймом. Первая вспышка ужаса прошла, но этот рубец останется с ним до гробовой доски.

Вся его бывшая настороженность, вся тщательно выстроенная броня недоверия рассыпались в прах.

При первой же встрече Сюэ Юнь едва не лишилась чувств. Её густо напудренное лицо мгновенно пошло пятнами, глаза покраснели, а густые ресницы заблестели от обильных слёз.

— Это я во всём виновата, глупая... Не проверила, кто письмо принёс! — Сюэ Юнь дрожащими пальцами коснулась его щеки, а затем принялась беспрестанно крутить его во все стороны, осматривая с головы до ног. Убедившись, что других ран нет, она робко прикоснулась к его руке, зажатой в лубок, и подняла на него полные слёз глаза. — Болит? Сильно болит, сынок?

Хань Хэн беззаботно качнул раненой рукой, отчего мать побелела как полотно и ощутимо хлопнула его по плечу:

— Да не вертись ты, окаанный!

— Матушка, право слово, всё уже позади. Мы столько дней провели в глуши, раны почти затянулись, — мягко улыбнулся Хань Хэн. Он терпеливо поведал ей о случившемся, намеренно опустив жуткие подробности плена в подземной могиле, а под конец тихо добавил: — Нас спас Чжуан Лин. Не будь его, не видать бы тебе меня живым. Он принял на себя весь удар и сам едва выкарабкался с того света.

Хань Хэн пристально следил за выражением её лица. Заметив, что тень тревоги так и не сошла с её чела, он бережно взял холодные ладони матери в свои и крепко сжал их, заглядывая ей в глаза с непривычной серьёзностью.

— Матушка.

Сюэ Юнь в замешательстве замерла.

По дороге Хань Хэн долго собирался с мыслями, но сейчас, столкнувшись лицом к лицу с искренней, слепой заботой матери, на мгновение замялся. И всё же, вспомнив израненную спину Чжуан Линя и те долгие полмесяца, что принц пролежал пластом на животе, он заставил себя отбросить сомнения.

— Матушка, юный принц Чжуан проявил к нашей семье безграничную милость. Он не пожалел своей драгоценной жизни, чтобы спасти меня. Чего стоит моя голова против его великородной крови?

— К чему такие речи, сынок? — нахмурилась Сюэ Юнь. — Твой удел и впрямь скромнее, чем у принца, но гордость-то терять негоже.

Хань Хэн мягко покачал головой:

— Дело не в гордости. Я мало что помню из прошлой жизни, но даже бессловесная тварь умеет ценить добро. Моя жизнь трижды спасена руками Чжуан Линя. Я не могу оставаться неблагодарным должником до конца дней. Ты ведь сама хочешь, чтобы твой сын поступал по совести?

Сюэ Юнь приоткрыла рот, словно собираясь возразить, но слова застряли у неё в горле.

Хань Хэн не собирался загонять её в угол. Он лишь хотел твёрдо и ясно обозначить свою позицию: Чжуан Лин отныне для него не просто покровитель, и держать оборону против него бессмысленно.

— Мой мальчик вырос, — Сюэ Юнь отвела взгляд, и с её губ сорвался тихий, горький вздох. — Материнское слово теперь для тебя мало что значит.

Хань Хэн не стал развивать спор. В подобных делах нахрапом ничего не добьёшься. Ни одна

мать на свете не примет весть о том, что её сын предпочитает мужчин, без боли и внутреннего протеста. И пусть между ним и Сюэ Юнь не было кровного родства, он искренне ценил её преданность и не желал ранить сердце женщины, которая желала ему только добра. Ей требовалось время. Пусть поразмыслит обо всём в одиночестве.

В последующие дни Хань Хэн неизменно выказывал матушке сыновнее почтение: исправно приходил с утренними и вечерними поклонами, подавал чай и заботливо справлялся о её самочувствии.

Улучив свободный денёк, он отправился в Башню Слушания Лебедей. Заведение гудело, как растревоженный улей. Му Жань при виде Хань Хэна даже сменил свой привычный высокомерный тон на на редкость приветливый.

Ещё два внутренних дворика были полностью обустроены и уже несколько дней как принимали именитых гостей. Золотые монеты потекли рекой, обещая скорую и баснословную прибыль.

— Сам Нин-ван обмолвился, что на днях собирается созвать у нас пир в твою честь, — Му Жань многозначительно прищурил подведённый глаз, одарив его чарующей улыбкой.

— Пусть пришлёт приглашение в Сад Сюэ, как только определятся со сроками, — кивнул Хань Хэн. Покончив с деловыми вопросами, он вдруг заговорщически понизил голос: — Послушай, ты случайно не знаешь мастера, у которого можно заказать кольца на пальцы?

— Кольца? Ты про нефритовые перстни для стрельбы? — Му Жань удивлённо изогнул бровь.

— Нет, не перстни. Обычные тонкие кольца. Хочу, чтобы их изготовили точно по мерке, с узором и из того материала, который я сам выберу.

Му Жань задумчиво прижал палец к подбородку, и в его глазах вдруг вспыхнул лукавый огонёк:

— Есть тут один чудака. Но старик обладает столь скверным нравом, что простому смертному к нему и на пушечный выстрел не подступиться.

— И кто же у нас такой гордый?

— Бывший глава Палаты императорских сокровищ. Сам понимаешь, птица высокого полёта. Нынче он на покое, бездельничает в своё удовольствие и берётся за работу исключительно под настроение. Стоит ему ради шутки выковать простенькую шпильку или браслет и выставить на продажу в Павильон многих сокровищ, как знатные столичные девицы готовы вцепиться друг другу в глотки, лишь бы заполучить эту диковинку.

— Где его найти? — Хань Хэн не на шутку загорелся этой идеей.

— Всеми своё время. Вот выпьешь с Нин-ваном вина, тогда, глядишь, и дело сдвинется с мёртвой точки, — Му Жань заговорщически подмигнул ему.

Хань Хэн послушно умолк. Несколько дней роли не сыграют, он умел ждать.

Судя по всему, у Нин-вана или кого-то из его круга имелись личные связи со старым ювелиром. Что ж, это избавляло от лишних хлопот. Настоящее, уникальное произведение искусства — только такое достойно украсить руку его избранника.

Хань Хэн уже успел навести справки: в здешнем мире союзы между мужчинами официально не регистрировали, хотя негласных способов устроить совместный быт хватало. В том же Бэйшо двое мужчин вполне могли жить под одной крышей, отказавшись от женитьбы на женщинах, и никто не тыкал в них пальцем, почитая за безумцев.

И всё же Хань Хэну отчаянно не хватало осязаемой, священной черты.

За обе свои жизни он впервые полюбил человека столь беззаветно, до боли в груди. Делать всё наспех, кое-как он не желал. В его мыслях зрело намерение устроить хотя бы скромный, скрытый от чужих глаз обряд, скрепив его парными кольцами, чтобы привязать к себе Чжуан Линя навечно.

Пусть поначалу принц не догадается, какой глубокий смысл кроется в простом ободке из благородного металла, — не беда. Сам Хань Хэн поначалу тоже ни в грош не ставил горячие клятвы юноши. Вода камень точит. Со временем, видя его искренность, Чжуан Линь непременно всё поймёт.

<http://bllate.org/book/20487/2283870>